

В природе как раз происходил сдвиг на весну. Он зарождается в смене ветров, которые гоняют туда-сюда черные тучи, сыплющие мокрым снегом. Но если проглядывает солнце, то уж радует настоящим теплом. Вот в такой день с веселым, будто подмигивающим, солнцем они собрали дорожную сумку и двинули к троллейбусу. На вокзал приехали уже в сумерках. Прошли в зал ожидания, сели на фанерные изогнутые кресла. Ходили вокруг люди – к кассам и от касс. Чемоданы, сумки, рюкзаки. Голос из громкоговорителя объявлял посадку на поезд и прибытие, призывал соблюдать порядок и чистоту. И незаметно, понемногу припоминалось Сергею это ожидание, это предощущение дороги, такое знакомое и такое любимое в студенческие годы. Припоминалось и заполняло его. И он оживился, и стал шутить с женой, он был изрядным шутником в те давние времена, а теперь и забываться стало это умение. И чего уж там – давние, какой-то десяток лет прошел после окончания университета. Она слегка удивилась. Но спрятала это удивление, показывая, что так и должно быть, откликнулась, улыбка на ее губах заиграла, та самая, которую он так любил – неявшая, сдержанная.

«Как хорошо, что мы решились», – подумал Сергей. Как хорошо, что не стали считать все за и против. На днях Маша получила письмо от младшей сестры.

Она показала письмо ему, как-то растерянно спрашивая: «Ну вот... как ты?» Сестра приглашала их на свое 25-летие. Все-таки, писала она, некоторым образом – дата, хороший повод собраться всем вместе, а то нечасто это в последнее время случается. Их средний брат уже желанно пообещал прибыть, правда, ему проще – он жил недалеко от их родного городка, где и оставалась в родительском доме младшая.

Сергей видел, что Маше хочется поехать. И понимал ее: был совсем охомутал их после рождения дочери. Сначала болезни малышки: плохо у нее с животом было, маялась, плакала ночами. Вскакивал он, убаюкивая на руках, поглаживая живот девочке. Но просыпалась и жена, он махал ей: спи, спи! Да куда там. Броде все наладилось, образовалось. Пришла пора и Маше на работу выходить. Бросить бы эту работу, посидеть еще дома, но и денег лишних нет, и место в хорошей большой библиотеке потерять жалко. Тут с садиком началась морока. Ближние заполнены, открылось место совсем в стороне и от их работ, и от однокомнатной квартирки. И мотались туда, и дергались теперь: кому удобнее сегодня, кому завтра. А у него в НИИ тоже эксперименты переносили на вечерние часы, потерять эту тему он никак не хотел. «Память формы» это называлось. Тема закрытая, милитаристская. Потому даже в эти суровые 90-е, когда ужимали и сокращали отделы и сотрудников, их лаборатория уцелела.

Он сказал: «Давай поедем». И увидел, как потеплели ее глаза. Хотя сам предпочел бы, чтобы они с девочкой съездили, а он немного расслабился. Подумал – и тут же укорил себя за такую непорядочность. Все образовалось лучшим образом. Начальник выписал Сергею неделю за свой счет, зная, что тот отработает. Дочку взяла на эти дни любимая тетка Сергея, сестра матери. Он старался к ней лишний раз не обращаться – была она на инвалидности, передвигалась с трудом. У нее в гостях Сергей испытывал неловкость, видя, какую боль испытывает она, передвигаясь от плиты к столу, не давая чем-то помочь ей. Но преодолев эту муку, она подсаживалась к нему, и он видел в ее глазах радость от его присутствия. Добрая и отзывчивая тетя Валя согласилась побыть с девочкой сразу, без всяких оговорок. И вот они встречают вечер не в привычной своей комнатушке, а в большом зале, в преддверии большой дороги.

Но, как заметил Лис в сказке Экзюпери, нет в мире совершенства. Рядом расположилась странная, как ему поначалу показалось, компания. Около десяти развязных, развинченных подростков. С ними почти никакой поклажи, но все как бы заодно, куда-то в одно место. И Сергей скоро понял, куда, когда взглядел его нашел военного, кажется, капитана. Он приткнулся чуть в сторонке, но был явно при них. Сергей понял: призывники. Все они, конечно, поддаты, как положено. Шумят, но в пределах. Один среди них выделяется, кажется крупнее среди обычных субтильных парней. Чего-то им рассказывает и вызывает встречный хохот. Назвать бы его рожу лукавой, да не совсем так. Было в ней что-то давно неприятное Сергею в людях: хамоватость. Именно потому он и чихал на окружающих, именно потому и призывал ребят следовать его примеру: махал руками, говорил громко. Ладно, перетопчемся, сказал себе Сергей, но как-то поумялось, притормозилось это заполняющее его чувство дороги. Ладно, брось ты, чистоплюй, дернул он себя.

Вот уже и посадку объявляют. Вот они заняли жесткие сиденья в полупустом вагоне. Поехали. Город почти сразу остался позади, вокзал был на его краю, не на окраине, а именно с краю. Последними исчезли ярко освещенные девятиэтажки студенческих общежитий. И теперь в заоконной тьме висело рядом отражение их вагона – ряды деревянных сидений, негусто заполненные пассажирами. Отражались в черном окне и они с Машей. И опять вернулось, вспомнилось теперь уже не предощущение, а само ощущение дороги. Это было расставание с привычным и ожидание нового. Ожидание открытий.

Словами это определить трудно, да никто и не требовал. Сергей не любил многочисленные песенки про романтику тайги: стоптанные вибрами, искусанные комарами лица, хоть, казалось бы, борода не дает кровососам пролазу. Лишь для одной песни, может быть, самой расхожей, делал он исключение:

*А я еду, а я еду за туманом,
За туманом и за запахом тайги...*

Он верил автору, простому его хрипловатому голосу и был вполне с ним согласен.

В те самые студенческие годы это ожидание приходило прямо на физиологическом уровне. Начинало что-то томить – неопределенное, необъяснимое. Другие ветра, что ли, приносились и звали за собой. И тот привычный и любимый уклад жизни – научная библиотека, ее читальный зал, прогулки по городу с неизменным кафетерием – вдруг начинал утомлять повторяемостью, обыденностью. И летняя сессия представляла тем рубежом, до которого можно дойти и взять его, но дальше... Постоянство выдержать невмоготу. И нашлись родственные души, и с этими ребятами он узнавал новые места.

Вспомнилась одна нестандартная поездка. Он с другом-универсалом и одноклассник того друга, политехник, катили навстречу приключениям. Политехник уже бывал на Среднем Урале на какой-то практике, живописал им горы, вполне посильные не альпинистам, а просто крепким ребятам. Они такими и были. Но Сергей, чем более отдалялись они от родного города, тем больше мрачнел. В конце концов друг Витька заметил это и спросил:

– Чего это ты? Не так что-то?

Сергей вздохнул и рассказал. Прямо накануне отъезда имел неприятный разговор с отцом.

Это было в родном доме, в поселке, который лежал километрах в пятнадцати от города.

У отца работа летом самая напряженная – загрузка самоходок на север, продукты для рабочих нефтегазового строительства. И тут вдруг какой-то сбой у речников. И дали отцу четыре дня отгула. Он Сергею радостно сообщил: «Едем к тетке в деревню, погреб у нее завалился. Помочь-то некому». Сергей объяснил про их с друзьями замысел. «Другого случая у меня не будет», – гнул свое отец. Утешал: «Там же Обь рядом, отлично отдохнешь». Сергей ему присоветовал: «Найдешь себе в деревне напарника». Отец посмотрел на него удивленно, оборвал разговор и ушел спать, он рано ложился. Мать в их мужские дела не вмешивалась – такая в доме была традиция. Рано утром Сергей сгребся и двинул на утренний автобус до города, до вокзала. Прав он

На выходе, почти у тамбура, та же знакомая компания. Так же рядом, но в сторонке – капитан. Видимо, переместились из соседнего, более заполненного вагона. Да, наверное, поэтому. Не для того же, чтобы нарочно портить ему настроение.

или неправ – так и не решил для себя. Однако как-то неприятно это его томило. И вот рассказал. Спутники его некоторое время молчали. Потом политехник подал голос: «Возвращайся, наверное. Батя твой расстроится. А у нас еще такие дела будут». С той самой станции, куда сейчас бежала электричка, он и вернулся домой. Отец сдержанно обрадовался. Тем же вечером они отправились к его сестре, тетке Сергея, восстановили погребушку. А с ребятами и правда, прямо на другое лето был у них замечательный десант на горную речку в енисейской тайге. И сейчас он туда улетал в светлых воспоминаниях.

Но «судьбе было угодно продолжить испытания», как подумалось читающему художественную литературу технарю Сергею. Противный громкий голос, хотят в ответ. На выходе, почти у тамбура, та же знакомая компания. Так же рядом, но в сторонке – капитан. Видимо, переместились из соседнего, более заполненного вагона. Да, наверное, поэтому. Не для того же, чтобы нарочно портить ему настроение.

Да и черт с ними. В одной электричке на полтора часа, а там, на большой узловой станции, все выходят и едут дальше по своим направлениям. У этих на узловой, наверное, некий пункт сбора, подтянутся туда и другие, потом сгребут всех и повезут к месту назначения.

Вдруг узнаваемый голос раздался совсем рядом. Буквально за спиной. Сергей повернул голову: этот

балагур подсел к девчушке, которая в одиночестве полудремала у окна.

– Я гляжу, ты баникчи решила.

Она, может быть, и проснулась, но никак не хочет с ним общаться. Остряк пробует развивать ту же тему.

– Спокойной ночи, малыши, что ли?

Ну не расположена она сегодня к общению. Кто знает, что у нее там за причины. Может быть, по какому-то невеселому поводу отправилась в дорогу. Может, просто не выспалась сегодня. Может, ее парень проводил совсем не чета этому губошлепу.

– Ну чего молчишь-то? Давай поговорим. Тебя как зовут-то?

Девчушка отмалчивается. Даже на самом дежурном уровне не идет на контакт. Бывает и такое состояние. Ни с кем не хочется разговаривать, никого видеть. И здесь, среди незнакомых людей, временных спутников, можно себе это позволить. Тем более никакое человеческое участие или сочувствие кому-то от нее не требуется.

Сергей вспомнил, как в поездах возникает необязательное общение и как порой еще час назад незнакомый тебе человек открывает душу, ждет поддержки или совета. Как-то на вид солидный, независимый мужчина, что называется, в годах, спрашивал: что ему сказать жене, кажется, он влюбился крепко или это так, пройдет? И то, что Сергей тогда пожал плечами, не зная, что сказать, мужчину не обидело. Он тоже растерянно опустил голову: вот и я не знаю.

– Мы что, так и будем всю дорогу Муму изображать?

Эта скотина никак не хочет угомониться. Ах да, он понимает: на него поглядывают товарищи, он там у них заводила и душа компании. А тут вот такой облом.

– Ну что ты корежишься?

– Ўди ты, ради бога. Иди к своим. Чего тебе надо? Оставь меня в покое!

Девчонка выдает это на одном запале, подряд. Видно, в самом деле, достал, и нет возможности терпеть, отмалчиваться.

В ответ радостное оживление:

– Ух ты, заговорила! Меня Петей зовут. А тебя?

Сергей открыл глаза. Он пытался отвлечься, уйти в прошлое, вообще в другое... Открыл глаза и встретился со взглядом жены. Она смотрела на него достаточно странно: изучающе как-то и вполне неприязненно. Показалось ему? Нет, ничего не показалось, именно так.

– Слыши, не прикидывайся глухой. Меня Петей зовут. А тебя?

Сергей быстро встал и, обогнув ряд, оказался перед ними. Девушка взглянула на него с какой-то вспыхнувшей надеждой, но он в упор смотрел на губошлепа, и тот понял:

- Чего тебе?
- Иди к пацанам. Ты же видишь: не хотят с тобой общаться. Ну иди, иди.

Парень встал не спеша, даже демонстративно лениво, как будто досадуя на это недоразумение. Был он по виду крепок, широк в кости. Большая голова прочно сидела на короткой шее. Он так же не торопясь протянул руку к воротнику Сергея:

- Тебе что, завидно?

Сказал вроде тоже лениво, но в прищуренных глазах затлево раздражение, оно уже сменялось нарастающей спортивной злостью.

Сергей отвел его руку, не сбросил, а именно отвел, отдаляя неизбежное, но парень с неожиданной легкостью вновь вскинул ее и несильно толкнул Сергея в плечо. Сергей, давно зная себя как плохого драчuna, упускал свой единственный шанс первого удара. И ничего не мог с собою поделать. И даже не от страха, он перешел за порог страха, а просто оттого, что не испытывал к этому новобранцу той меры ярости, ненависти, которая заставляет вскипать кровь и отключать рассудок.

И тут он краем глаза увидел, что капитан неторопливо идет к ним по проходу. И пережил облегчение, понимая, что ничего не будет, ни разбитого носа и неизбежного посрамления, ни женских криков. Капитан просто сказал подопечному: «Ну-ка, пошли на место», и они пошли. И Сергей поглядел им вслед и увидел в том краю вагона заскучавшие лица его товарищей, явно разочарованных, что *ничего* не случилось, никак не разнообразилась их последняя на гражданке поездка.

- Спасибо, – услышал он за спиной и, обернувшись, наконец рассмотрел их соседку.

Она слабо улыбнулась ему. Непрятательное, неприметное лицико. Сергей невнятно кивнул ей головой. Сел на свое место. Жена смотрела в ночное окно. Она не сказала ни слова до самой станции.

Они ждали недолго. Без опоздания пришел поезд, который и повез их теперь уже до городка, откуда приехала Маша поступать в университет и где оставались родители и сестра. Плацкартные места достались верхние. Они забрались на свои полки. Сергей видел, что жена расстроена и даже не хочет этого скрывать. Он понимал, что она задета, смущена его трусливым, как ей показалось, поведением в электричке. Самому так думать не хотелось. Он же все надеялся, что как-то там рассосется, что этот приду-

рок устанет приставать, поняв, что рассчитывать не на что. Да с чего он мог бы это понять, когда на него глазели дружки, ожидая чего-то забавного! Сергей повернулся со спины на бок, потом опять на спину. Впрочем, в дороге его всегда быстро укатывал сон.

- Сережа, мы чай будем пить? – услышал он снизу спокойный голос Маши.

В окно вагона, дробясь о пролетающие мимо стволы деревьев, плескало утреннее солнце. О, за эти годы семейной жизни он научился различать оттенки ее настроения, ее состояния, даже когда она пыталась что-то от него скрывать. И в этих ее приглашающих словах не было той теплоты, которую он так любил, которая его так трогала.

- Что это я так разоспался? – сказал Сергей, спускаясь с полки.
- Доброе утро! – приветливо покивал и старику с газетой и, похоже, жене его, сухощавой женщине в годах, инспектирующей свою сумочку.

Маша как раз сидела рядом с ней и смотрела на него вполне приветливо, как подумал бы любой со стороны. Сергей взял приготовленные ею пасту и щетку, бросил на плечо полотенце и двинулся по коридору, взглядывая по сторонам. Нет, он не был самым большим засоней, многие еще дремали.

И пили они чай, и общались с ненавязчивыми попутчиками, закусывали. К вечеру пожилая пара сошла, а к ним никто не присоседился, да и самим уже скоро предстояло выходить. Они смотрели за окно, как будто с интересом изучая скучноватые места – мелколесье – то лиственное, то хвойное, а то и смешанное. И вот набежали окраины индустриального городка – их сегодняшнего места назначения.

Спустились на асфальт перрона. Сергей заметил махнувшую им рукой Светлану, сказал Маше. Света – высокая, подтянутая, красивая, – шла к ним, пытаясь улыбаться. И у Сергея заныло под ложечкой от предчувствия чего-то недоброго. Он знал это ощущение, и уже были случаи убедиться, что оно его не обманывает.

Обнялись, расцеловались. Но и Маша увидела, что сестра не просто опечалена чем-то, а сильно расстроена. И Сергей спросил, понимая, что она ждет этого вопроса:

- Что-то случилось?

Светлана мелко затряслась головой, слезы, которые она теперь не удерживала, покатились по щекам.

- Пойдемте, вон там присядем на минуту. – Она потянула их к привокзальной скамейке.

Скамья была пуста. Они подошли и сели.

Света промокнула глаза платком, обратила к ним заплаканное лицо:

— Виталик попал... Виталика-а-а...

Воздуха ей не хватало.

Маша вмешалась резко и требовательно:

— Успокойся. Рассказывай. Что с ним? Живой?

Светлана постаралась взять себя в руки, заговорила:

— Виталька вчера должен был приехать. Женя оставалась — у них младшая дочка приболела. И там, на вокзале, какой-то пьяный стал к девчонке приставать. Ну Виталик его оттащил, а тот опять за свое. Наш схватил его за ворот, а тот — ножом. Чуть не в сердце, он рукой успел ножик вниз отбить...

Замолчала, собирая силы, чтобы продолжить.

— Виталик жив, в реанимации. Женя звонила, говорит, врачи надеются, что спасут его. Через час поезд в сторону Свердловска. Я поеду. Доберетесь сами до дома, мама с отцом встретят.

— Мы с тобой, конечно, — сказала Маша. — Пойдем позвоним, чтобы они знали.

Недолог был у них железнодорожный перерыв. В полупустом вагоне скоро отключили большой свет. Снова за окном поплыли платформы, освещенные редкими фонарями. Светлана, кажется, немного успокоилась. Маша заставила ее лечь, укрыла одеялом, которое Сергей достал с багажной полки. Они сидели рядом. Маша взяла его руку.

— Прости меня, — сказала Маша.

Он повернулся к ней. Глаза у нее были влажны и светились в полумраке.

— За что? Что ты говоришь? — тихо возразил он.

— Ты знаешь. — Она легко пожимала его руку.

Да, конечно, он знал. Он понял ее. Но она была не права.

За что она просит прощения? Он ведь и вправду сплоховал. Он все-таки смалодушничал, оберегая свой покой. Но ведь у того новобранца — он знал — не было ни ножа, ни шила, все на виду, просто не хотелось связываться, ненарочком получить по морде, под глаз, по зубам...

